

Аллюзии на русскую культуру в творчестве Фрэнка О'Хары

Илья А. Ежов

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, ezovila12@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена отсылкам к деятелям русской культуры в творчестве американского поэта Ф. О'Хары (1926–1966). Отсылки в статье сгруппированы в три направления – русские авангардные поэты, Ф. Достоевский и русские композиторы. В статье также демонстрируется как именно эти аллюзии представлены в творчестве Ф. О'Хары. В конце статьи демонстрируется тенденция в отсылках на людей в большинстве своем как представителей русской эмиграции и диссидентского движения (за исключением В. Маяковского и Ф. Достоевского).

Ключевые слова: Ф. О'Хара, русская эмиграция, В. Маяковский, русские композиторы, ритмотектоника, поэтика

Для цитирования: Ежов И.А. Аллюзии на русскую культуру в творчестве Фрэнка О'Хары // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 10. С. 202–210. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-10-202-210

Allusions to Russian culture in Frank O'Hara works

Il'ya A. Ezhov

*Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia, ezovila12@gmail.com*

Abstract. The article deals with references to Russian cultural figures in the works of the American poet F. O'Hara (1926–1966). References in the article are grouped into three directions – Russian avant-garde poets, F. Dostoevsky and Russian composers. The article also demonstrates how exactly those allusions are presented in the works of F. O'Hara. The end of the article demonstrates a tendency in references to people, mostly as representatives of the Russian emigration and dissident movement (with the exception of V. Mayakovsky and F. Dostoevsky).

Keywords: F. O'Hara, Russian emigration, V. Mayakovsky, Russian composers, rhythmotectonics, poetics

For citation: Ezhov, I.A. (2024), "Allusions to Russian culture in Frank O'Hara works", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 10, pp. 202–210, DOI: 10.28995/2686-7249-2024-10-202-210

Несмотря на то что в конце 50-х – начале 60-х гг. XX в. немногие англоязычные литераторы имели некоторое представление о русской культуре в целом, в творчестве отдельных авторов можно встретить мотивы, свойственные русским авторам, референсы на представителей русской культуры. В качестве примера, который и будет рассмотрен в данной статье, можно привести американского поэта обозначенного ранее периода Ф. О'Хару (1926–1966). Может сложиться впечатление, что О'Хара, не будучи исследователем конкретно русской культуры или литературы, не мог обладать достаточным знакомством с русскими поэтами и писателями. Данное утверждение является ошибочным и легко опровергается обстоятельствами биографии О'Хары и определенными отсылками непосредственно в его творчестве.

Статья будет структурирована следующим образом: вначале мы укажем на уже разработанную сферу отношений Ф. О'Хары и русской словесности, далее посмотрим на ряд примеров присутствия деятелей русской культуры, которые были широко известны любому начитанному американцу того времени; затем отметим нескольких русских, связанных напрямую с биографией поэта и явно присутствующих в его работах. В конце статьи мы сделаем вывод о тенденции, которая объединяет указанные нами впоследствии персоналии и определяет некоторый мотив творчества Ф. О'Хары.

Говоря об уже исследованном разделе творчества О'Хары в его связи с русской литературой – это В. Маяковский. На эту тему написана большая статья Р. Вроона «Владимир Маяковский и Фрэнк О'Хара: новый взгляд» [Вроон 2020], поэтому мы бегло остановимся на ней и процитируем самые главные и важные положения.

Согласно статье, самое раннее знакомство О'Хары с Маяковским происходит во время учебы первого в Гарварде в конце 1940-х гг. Вроон отмечает, что, помимо Маяковского, молодой поэт также имел представление и о Б. Пастернаке, с которым его познакомил его друг Дж. Эшбери [Вроон 2020, с. 153]. Утверждение, что эти два авангардных поэта (Пастернак таким был вначале) прямо повлияли на творчество О'Хары, кажется натяну-

тым. В этот период О'Хара активно интересовался всеми поэтами литературного авангарда 10-х и 20-х гг. XX в. В список прочитанной им литературы можно отнести и французских дадаистов, и символистов [Вроон 2020, с. 147]. Мы можем говорить скорее о том, что молодого поэта привлекала сама по себе авангардная традиция, чем конкретные имена, и уж тем более русских футуристов [Пробштейн 2022, с. 60].

Несомненно, есть пример, когда О'Хара обращается в своих стихах к Пастернаку (Memorial Day, 1950), но это был единичный случай. Гораздо больше у него взаимодействия с Маяковским, которому он даже написал целое стихотворение-посвящение, названное фамилией русского поэта – “Mayakovsky”. Данное стихотворение является скорее оммажем и попыткой подражательства тематике лирических стихов Маяковского. Как в своей лирике русский поэт выражает эмоции тоски и страдания по любимому человеку сквозь ритмотектонику разрубленных предложений и образы, выражающие боль («Шагание стиха» в поэме «Про Это»), так и у американца такой же дольник, где предложения тянутся из строки в строку, и точно такой же надрыв. Как и Маяковский, О'Хара скорбит по расставанию с любимым человеком: в его стихах чувствуется такой же мощный эмоциональный надрыв:

Words! Be
Sick as I'm sick¹
(Слова! Испытайте
Боль, как и я!)

Он точно так же обращается к улице, как к попытке эскапизма от своих чувств:

I leap into the leaves... (Я прыгаю в листву...);
The country is grey... less funny not just darker, not just grey²
(Улица серая... Менее радостная,
не просто мрачная, не просто серая).

Данное стихотворение – яркий пример влияния творчества Маяковского на стихи О'Хары. Однако американский поэт взял на себя также функцию организатора и центра притяжения для молодых интеллектуалов того времени. Как и к Маяковскому, людей завораживал энтузиазм О'Хары, который был знаком со многими

¹ *O'Hara F. Meditations in emergency. Grove press, 1967. P. 50.*

² *Ibid. P. 51.*

деятелями искусства в Нью-Йорке. Здесь можно вспомнить факт его биографии, согласно которому поэт был куратором в картинной галерее Нью-Йорка, благодаря чему имел много контактов, который мог сводить друг с другом на организованных им встречах. Именно О'Хару считают основателем Нью-Йоркской поэтической школы, которая, будет справедливо заметить, была не собранием единомышленников, имевших общие эстетические взгляды на поэзию, а скорее компанией знакомых, которых всех «свела» одна фигура – фигура Фрэнка О'Хары.

Смеем сделать предположение, что одним стихотворением-оммажем дело не ограничилось, и О'Хара также испытал влияние городской лирики Маяковского. В своей поэтике О'Хара часто обращается к образам города [Gooch 1993, p. 247] и фиксирует те события, которые с ним происходили. Маяковский же имеет целый цикл стихов об Америке, многие из которых посвящены Нью-Йорку. В своих стихах Маяковский сдержанно, но комплиментарно высказывается о Нью-Йорке («Бруклинский мост... Это вещь!» / «Я в восторге от Нью-Йорка города...»). Оба поэта находили в этом городе поэтическую красоту, даже если их и разделяли 40 лет разницы.

Тем самым, мы можем говорить, что Маяковский повлиял на О'Хару в трех главных направлениях: становление как литературного центра притяжения в рамках отдельного города, схожесть лирических мотивов и настроений в стихах, а также городская поэтика Нью-Йорка, присутствующая в стихах обоих поэтов.

* * *

Следующий русский след в творчестве О'Хары – это Достоевский. Данный след нечеток, поэт редко где обращается к русскому писателю напрямую, но, несомненно, он испытывает влияние Достоевского как экзистенциального автора. На протяжении всего XX в. творчество Достоевского приобретает большую популярность и признание за рубежом, романы переводятся на мировые языки и начинают изучаться в школах. Мы можем быть уверены, что, обучаясь на литературных факультетах в Гарварде и Мичигане, О'Хара был знаком с произведениями русского классика и имел о них как минимум общее представление. Нельзя с уверенностью говорить, что было некоторое подражание стилю, мы хотим повести речь скорее о философской тематике Достоевского.

В 1950-х гг., в расцвет экзистенциализма, происходит и признание Достоевского как автора, духовно предшествующего данной философской традиции [Вавилова, Просветов 2015, с. 4]. Так, Камю

называет русского писателя пророком, предсказавшим XX век³, и высоко оценивает его влияние на мировую культуру, Сартр посвящает ему строки в своем ключевом философском трактате «Бытие и ничто». Что же привлекало французских экзистенциалистов в Достоевском? Для них он, в первую очередь, был человеком, говорившим о человеке. Герои Достоевского такие же страдающие, рефлексирующие о своей жизни и своих поступках, как и сами экзистенциальные философы, размышлявшие над проблемой одиночества человека в мире. И до французских философов писали о необычайном психологизме Достоевского, о его способности изучить самые потаенные глубины человеческой души.

Мы не будем делать яркого утверждения, что О'Хара был экзистенциалистом, но в его стихах можно проследить этот экзистенциальный оттенок вопрошания о своей судьбе (стихотворение "River"), критики убегания от своей истинной сущности ("To the film industry in crisis"). В своих стихах О'Хара наблюдает за вещами прямо вокруг него, осуществляя полноценный акт события с окружающим миром, остро ощущая себя как нечто отдельное. Герои Достоевского в этом смысле тоже как-то сосуществуют с миром, не будучи его полноценной частью: они могут радоваться совершенно обычным вещам, по сути своей остроящая действительность. Каждое стихотворение О'Хары глубоко лично, оно говорит исключительно о собственных переживаниях автора через описание прожитого им быта. Именно в бытии лирический герой осуществляет свою экзистенцию, и лирический герой Достоевского, отбросив размышления и принявшийся жить, обретает счастье переоткрытия для себя жизни.

Достоевский мог не оказать прямого влияния на поэтику О'Хары, но своим фокусом на человеке, на его переживании и на непосредственном проживании быта он сформировал поэтику американского поэта, утвердив у того медитативное и меланхолическое созерцание совершаемой им деятельности.

Наконец, последний русский след связан с весьма неочевидными представителями нашей культуры для поэта – композиторами. Здесь нам стоит обратиться к биографии О'Хары, из которой мы узнаем, что четыре года он учился на пианиста в консерватории Новой Англии. Во время обучения он разучивал произведения композиторов самых разных эпох, и можно предположить, что там оказался ряд русских имен.

Для этого нам надо обратиться к трем стихотворениям, где О'Хара упоминает композиторов. Первое из них – *Romanze, or The*

³ Интервью театральному журналу «Спектакль» ("Spectacles"). 1958. № 1.

Music Students (Романс, или ученики музыкальной школы). В первой строфе он, описывая музыкантов, пишет: They are humming a scherzo by Cherepnin (Они напевают скерцо Черепнина). Это отсылка к русскому композитору и пианисту Александру Черепнину (1899–1977), уехавшему из России после Октябрьской революции. Уже в 1926 г. Черепнин выступил в США с гастролями и был быстро признан современниками как отличный композитор. Вероятно, часть произведений Черепнина была использована в учебных программах для фортепиано, и О'Хара, будучи студентом, точно так же разучивал скерцо Черепнина. Учитывая, что произведений много, а упомянул он именно русского композитора (справедливости ради скажем, что позднее в этом же стихотворении он упомянет Мессиана, Черни и Хиндемита – трех музыкальных педагогов), можно предположить, что его скерцо произвело на молодого поэта впечатление.

О'Хара с теплотой отзывается о других композиторах, которых он упоминает в своих произведениях. Так, в стихотворении «Радио» он спорит со своим приемником, который играет для него во время работы Грига и Онеггера, но после недели труда не может включить Прокофьева. Тем самым, для поэта наш композитор является способом отдыха, эта музыка успокаивает и расслабляет его. Хотя в конце стихотворения О'Хара говорит: Well, I have my beautiful de Kooning to aspire to (Ну что ж, для мечтаний у меня есть прекрасный де Кунинг), это выглядит как сублимация более совершенных Прокофьевских мелодий. Именно его работы позволяют мечтать и обращаться к ним разумом, но, поскольку радио не играет эту музыку, приходится довольствоваться другим, тоже хорошим, но не настолько.

Последний композитор, которым О'Хара откровенно восхищается, – это Рахманинов. Ему посвящено стихотворение, написанное в день его рождения (On Rachmaninoff's Birthday), в котором мы можем в полной мере ощутить это чувство. Здесь характерны два момента, которые мы процитируем:

...Good
Fortune, you would have been
My teacher and I your only pupil
And I would always play again.
Secrets of Liszt and Scriabin
Whispered to me over the keyboard
On unsunny afternoons!⁴

⁴ O'Hara F. Meditations in emergency. Grove press, 1967. P. 14.

(Эх, Фортуна! Ты мог быть
Моим учителем, я – твоим учеником,
И я бы снова постоянно играл.
Мрачными вечерами
Клавиши нашептали бы
Тайны Листа и Скрябина)

В этих строках мы видим полноценное преклонение О'Хары как пианиста перед композиторским талантом Рахманинова [Erstein 2017]. Он мечтает быть его учеником, для него это мечта с оттенком меланхолии, ведь на момент написания стихотворения русский композитор мертв, а значит, это уже несбыточно. Любовь О'Хары такова, что тот уверен – под руководством русского мастера он играл бы с большим удовольствием, и ему бы открылось большее понимание музыки. В конце стихотворения он называет Рахманинова “father of all Russias” – отцом всех России, тем самым ставя композитора в позицию олицетворения некой абстрактной Русскости. Через труды композитора О'Хара ощущает русскую культуру, для него она вся заключена в Рахманинове, и без него для поэта в музыке что-то уже безвозвратно потеряно.

Таким образом, мы можем утверждать, что к русским композиторам О'Хара относился с большой теплотой. Для него три упомянутых нами имени – Черепнин, Прокофьев и Рахманинов – ассоциируются с приятными чувствами, с покоем и любовью к музыке [Mote]. Именно в этих композиторах поэт находит наслаждение, именно они позволяют его душе перейти на другой план бытия – план мечтания и фантазии.

* * *

Упомянутые нами ранее представители русской культуры образуют некоторую тенденцию, которую можно связать с общим интеллектуальным фоном западного мира касательно России. Почти все эти люди в той или иной степени находились в оппозиции Советскому Союзу. Исключение составляют Достоевский и Маяковский. Прокофьев на почти 18 лет покинул Россию и вернулся лишь в 1936 г.; Черепнин и Рахманинов уехали из России после революции и не вернулись; Пастернак станет изгоем в СССР после написания «Доктора Живаго» и получения Нобелевской премии по литературе. Западный образованный человек легко мог быть с ними знаком, поскольку они прорывались сквозь заслон советской цензуры. Достоевский всегда стоял особняком от всех остальных, потому признание его творчества пошло еще с 1890-х гг., а Маяковский несколько раз выезжал за границу и оставил свой след в мировой литературной культуре.

О'Хара и был таким образованным американцем, продуктом своего времени: он не мог знать о советских деятелях культуры, а почти все его познания о русской культуре ограничены эмигрантами [Schmidt 1980, p. 195]. Именно поэтому для него воплощением русской души является именно Рахманинов, а не Шостакович, например. За Достоевским он не видит других русских классиков, которые тоже прекрасно писали о русской жизни, потому что не настолько же психологичны. И знает он только Маяковского и Пастернака, хотя в России было много авангардных поэтов. Такая ограниченность мешала ему познать полное богатство русской культуры, которая осталась в его стихах такой поверхностной.

Конечно, О'Хара пронес некоторую любовь к упомянутым нами и им русскими, но есть подозрение, что русские поэты не оказали на него большого влияния (скорее это были французские сюрреалисты). Совершенно точно можно говорить о любви поэта к композиторам. Остальные же русские следы в его творчестве требуют более детального и глубокого исследования.

Литература

- Вавилова, Просветов 2015 – *Вавилова В.Ю., Просветов С.Ю.* Интерпретация идей Ф.М. Достоевского в творчестве французских экзистенциалистов // Культура. Духовность. Общество. 2015. № 19. 5 с.
- Вроон 2020 – *Вроон Р.* Владимир Маяковский и Фрэнк О'Хара: новый взгляд // *Studia Litterarum*. 2020. Т. 5. № 3. С. 144–185. DOI: <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2020-5-3-144-185>.
- Пробштейн 2022 – *Пробштейн Я.Э.* Влияние европейской и русской литературы на Второй американский авангард и Нью-Йоркскую школу // *Литература двух Америк*. 2022. № 12. С. 51–65. <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2022-12-51-65>.
- Epstein 2017 – *Epstein A.* “On Rachmaninoff’s Birthday”: Frank O’Hara and the Russian Composer. URL: <https://newyorkschoolpoets.wordpress.com/2017/04/01/on-rachmaninoffs-birthday-frank-ohara-and-the-russian-composer> (дата обращения 29 февраля 2024).
- Gooch 1993 – *Gooch B.* City poet: The life and Times of Frank O’Hara. New York: Alfred A. Knopf, 1993. XIV+532 p.
- Mote – *Mote K.* Allusions to Musicians in Frank O’Hara’s Poetry. URL: <https://kaitlynmote.wixsite.com/artifact3/post/allusions-to-musicians-in-frank-o-hara-s-poetry> (дата обращения 29 февраля 2024).
- Schmidt 1980 – *Schmidt P.* Frank’s Russia // *Homage to Frank O’Hara* / Ed. by B. Berkson and J. LeSueur. Berkeley: Creative art Book company, 1980. P. 194–195.

References

- Epstein, A. (2017), “*On Rachmaninoff’s Birthday*”: *Frank O’Hara and the Russian Composer*, available at: <https://newyorkschoolpoets.wordpress.com/2017/04/01/on-rachmaninoffs-birthday-frank-ohara-and-the-russian-composer> (Accessed 29 February 2024).
- Gooch, B. (1993), *City poet: The life and Times of Frank O’Hara*, Alfred A. Knopf, New York, USA.
- Mote, K. *Allusions to Musicians in Frank O’Hara’s Poetry*, available at: <https://kaitlynmote.wixsite.com/artifact3/post/allusions-to-musicians-in-frank-o-hara-s-poetry> (Accessed 29 February 2024).
- Probstein, Ya. (2022), “European and Russian Literature and the Poets of the Second American Avant-Guard / The New York School”, *Literature of the Americas*, no. 12, pp. 51–65, <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2022-12-51-65>.
- Schmidt, P. (1980), “Frank’s Russia”, Berkson, B. and LeSueur, J. (eds.), *Homage to Frank O’Hara*, Creative art Book company, Berkeley, pp. 194–195.
- Vavilova, V.Yu. and Prosvetov, S.Yu. (2015), “The interpretation of F.M. Dostoevsky ideas in French existentialists works”, *Kul’tura. Dukhovnost’. Obshchestvo*, no. 19.
- Vroon, R. (2020), “Vladimir Mayakovsky and Frank O’Hara. A Reappraisal”, *Studia Litterarum*, vol. 5, no. 3, pp. 144–185, DOI: <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2020-5-3-144-185>.

Информация об авторе

Илья А. Ежов, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; ezovila12@gmail.com

Information about the author

Ilya A. Ezhov, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; ezovila12@gmail.com